

Пугающее ничто

Син Чжу

Дождь барабанил в лобовое стекло. Син включил дворники, чтобы стряхнуть пару прилетевших листьев и лучше видеть то, что происходило впереди. Он допил остывший кофе и поставил стакан обратно на подставку.

По радио рассказывали об американском писателе Эдгаре По. Син знал про него, в институте на курсе литературы даже приходилось учить отрывок из «Ворона». Син взглянул в зеркало и поправил локон волос, который отрос над бритым виском и спадал на глаз.

Он высматривал который день, в какое время выйдет из подъезда очередной японский черт, которого он ловил уже несколько дней. Сину хотелось верить в то, что в этом был какой-то смысл. Гоняясь за людьми Асаки, он чувствовал себя хомяком в колесе. Он хотел оправдать доверие отца, но мало общался с ним в последнее время, больше по делу. И сейчас ему все чаще казалось, что он совсем один. Он доверял Фениксу, но у того была личная жизнь после работы. Он доверял близнецам Чун, но при них нужно было держать лицо. Иногда хотелось простого человеческого поговорить.

Син Чжу

Син не пил один, даже пиво. Понимал, что это будет путь в бездну. Он старался заняться чем-то полезным до поздней ночи, чтобы свалиться и заснуть. Он не искал новых отношений — ко всем незнакомцам априори относился недоверчиво, к незнакомкам и подавно. Не пропадал в Ванцзы, чтобы не плодить сплетни. Какой-то затянувшийся разговор, возможность постоять рядом с сорок девятыми после тренировки (они курили, он — никогда) были похожи на ощущения замерзшего человека, который замедляет шаг у уличного фонаря, надеясь, что свет несет тепло, и понимая, что это — иллюзия. Син знал, что к этому все придет. Не первый год знал. Как катастрофа может оставить шрамы на лице и теле человека, так его личная судьба оставила шрамы на его жизни. У него даже в воспоминаниях не было ни единого образа, за кого он мог бы зацепиться безусловно. Мать, которая была сама виновата в своей смерти. Такуба, который работал на Асаку. Отец, который понимал, что он не оправдывает ожиданий. И не умеющий проявлять эмоции. Чжэнь, для которой он — сын Тени, причины, по которой пришлось провести годы портовой шлюхой и едва не сдохнуть от наркотиков. Чжэнь старалась его поддерживать, Син был ей благодарен, не более чем она ему.

Син думал о том, что если на его собственной маленькой планете нет даже розы, он был бы рад встретить змею, которая подарит ему свободу. Но, живя на своей собственной звезде, он не принадлежал сам себе. Он должен был стать лунтао, и его жизнь принадлежала триаде.

Син Чжу

Японец вышел из подъезда, и мысли Сина мгновенно переключились: он стал подобен вставшей в стойку охотничьей собаке. Седан японца остался припаркован

на месте, жибень пошел пешком в сторону набережной. Выглядел довольным и никуда не спешил, несмотря на ливень, от которого не очень хорошо помогал зонт. Тут жила его любовница – молодая студентка, которая очень нуждалась в помощи, чтобы снимать квартиру в хорошем районе и красиво одеваться. Син надел бейсболку и заправил под неё длинную челку. Надел перчатки без талька, и только поверх них – новые кожаные, на которых не могло быть его потожировых следов. Взял из бардачка запакованный в стерильную упаковку скальпель – иногда это полезнее заточки. Вышел из машины и прошел на приличном расстоянии от японца по аллее, где точно не было камер. Догнал его под мостом, куда тот отошел видимо справить нужду, и одним движением перерезал глотку. Подумал, что можно было сказать пару фраз. Японец не был боевиком. Син ногой столкнул тело в воду. Туда же в пакете с солидным булжником отправились кожаные перчатки и скальпель.

Син вернулся слепыми зонами к машине, которая оставалась включенной, и дворники в которой продолжали смахивать листву и воду, но ближайшая камера не могла показать ни водительскую дверь, ни оставался ли кто-то в салоне все это время. Син не чувствовал никакой жалости, он понимал, что спас жизнь нескольким своим людям. Он не чувствовал страха, он знал, что если будут улики – их помогут убрать, и все предосторожности – только экономия бюджета семьи. Он чувствовал пугающее черное ничто. Это черное ничто было сейчас вокруг него, ждало в пустой съемной квартире, будет смотреть ему в глаза, стоит их открыть завтра утром. И с ним нужно будет терпеливо жить, и потом стать лунтао.

Интересно, чувствовал ли отец что-то подобное, когда умерли его кузен, а затем погибла мать? Как часто он смотрел в глаза этому ничему, пока не решил, что готов быть с Чжэнью? И любил ли он её, или просто она была каким-то живым своим доверенным человеком рядом, с кем можно сказать чуть больше?

Син пристегнул ремень и выехал из двора в сторону второго кольца. Дождь стихал, дворники работали реже. Свет фонарей разбивался в каплях, налипших на стекло. Дорога была скользкой, и Син ехал осторожно. Он должен был думать о том, чтобы остаться в живых, и смириться с кромешной тьмой взгляда настоящей пустоты. Годы учебы в Европе дали ему немало интересных знаний: например, он понимал, какая дурь позволит ему почувствовать себя самым счастливым человеком на свете. Или поверить в то, что очередные глюки дарят ему бесценные знания о сотворении мира. И он бы без проблем достал чистейшие вещества в Пекине. Но, подарив ему несколько часов свободы, они бы окончательно выбили у него табуретку из-под ног, когда все остальное уже и так казалось удавкой на шее.
